

Волхвы не боятся могучих владык...

На днях писателю Александру Шелудякову исполняется 70 лет. Он автор известного, много раз переиздававшегося романа «Из племени Кедр», долгое время жил и работал в Томске, потом уехал на Украину, в Белгород-Днестровский.

Сегодня мы публикуем отрывки из интервью с Александром Григорьевичем, опубликованного в «Киевском еженедельнике».

В Киеве в журнале «Идея» была опубликована «Тайна Половецкой летописи» Александра Шелудякова. Эта публикация вызвала множество вопросов и споров и маститых академиков, и начинающих ученых, писателей и поэтов.

И вот новость: в правлении Украинского союза писателей лежит полная рукопись «Тайны Половецкой летописи», подготовленная к 200-летию со дня первой публикации «Слова о полку Игореве».

Еду в Белгород-Днестровский.

– Первая книга рассказов вышла в 1964 году в Томском издательстве, – начал Александр Григорьевич, отвечая на мой первый вопрос. – И было мне тогда уже тридцать пять лет. А в 1970-м была закончена работа над романом «Из племени Кедр», немного позднее – «Югана». Оба романа издавались в журнале «Молодая гвардия», в «Роман-газете». Потом – книга в издательстве «Современник». В эти же годы центральное радио подготовило инсценировку, спектакль прошел в Томском театре драмы. Об этом спектакле, наверное, помнят томичи, как помнят и исполнительницу главной роли Тамару Лебедев.

– **Давайте начнём с детства. Ведь именно тогда проявляются талант, дарование...**

– Представьте себе маленькую деревушку спецпоселенцев на берегу Оби – Усть-Васюган. Кособокие избышки, слепленные из плавника. Место было водотопное – в половодье домишки сносило, затирало ледоходом. Жители обычно собирали пожитки и вместе с коровами, овцами перебирались за реку, на гриву. Там в землянках и шалашах ждали спада воды. Возвращались – ремонтировали домишки, а то и лепили заново... Однажды весной я сильно заболел. Больница в райцентре, ехать до него десять километров водой. Отец повез в обласке. Врач сказал отцу: «Дело плохо. Вези ребенка обратно»... Мне не было и шести лет. Лежал на полотах, за печью. У меня был жар, в груди хрипело-свистело. И в бреду увидел я себя над домом, над крышей – у самой трубы. Дыма нет, из трубы пышет жаром. И я медленно погружаюсь в трубу – а там, внизу, раскалённый брусок. Еще немного - и упрусь в него ногами, сгорю... И вдруг начал медленно подниматься. Вижу небо, чувствую свежий воздух. Стою босиком на пологой крыше. Вижу – всадник на коне, в боевом наряде. Меч в серебряных ножнах, шлем откинут на спину, седые волосы свисают с плеч. Воин поднял меня, посадил перед собой и сказал одно только слово: «Перун». Вечером вернулся с рыбалки отец, я рассказал ему о князе на коне. И мать тихо сказала: «Сын будет жить. Сам великий Перун воскресил его».

– **Ваши родители были язычниками?**

– Да. И с того часа Перун всегда живёт во мне и всегда он со мной.

– **Двести лет целые институты занимались расшифровкой и трактовкой «Слова», и вот появилась ваша «Половецкая летопись» и ответила на вопрос: кто автор «Слова» и где находится Каяла. Уже туристы идут на место битвы князя Игоря с половцами...**

– «Тайна Половецкой летописи» написана более сорока лет назад. Можете себе представить, что со мной было бы, решишь я тогда предложить её для публикации. И вот недавно отрывки были опубликованы в Киеве, Донецке, Москве, в томском альманахе «Сибирские Афины».

– **Вопрос, как говорится, лобовой, когда и как погибла «Половецкая летопись»?**

– В 1931 году. Мать затопила печь, собралась печь хлеб, и тут подъехал уполномоченный по раскулачиванию со свитой и охраной из шести стрелков. Отца вывели на улицу, посадили на телегу. В доме начался обыск, опись имущества. Когда обнаружили несколько старых книг и журналов, уполномоченный распорядился: «Все «царские» книги и журналы сжечь!». Вот так

вместе с книгами и журналами погибла в печи «Половецкая летопись».

– **Ваш отец знал «Летопись» на память. Он мог ее восстановить – почему не сделал этого?**

– Ответу вопросом на вопрос: а зачем? Ученым она не нужна – столько научных трудов написано по «Слову», и все они оказались бы ненужными... Знал на память «Летопись» не только отец. Знал и старший брат Николай - он погиб на фронте. От брата я и узнал впервые о ней. И поклялся, что все, что брат мне рассказал, сохраню в тайне.

– **Так вот откуда вырос писатель Шелудяков...**

– «Половецкая летопись» – это наша родословная. Род наш идет от половецкого хана Боняка Шелудяка. А «Слово о полку Игореве» написано воином, поэтом и певцом князем Лурсадом.

– **Все это изложено в «Тайне Половецкой летописи». Мы с вами упустили еще один момент – вашу трудовую биографию.**

– Детство и юность прошли на Васюганье. С четырнадцати лет начал работать шкипером на паузке Каргасокского рыбозавода. В семнадцать ушёл в армию. После окончания авиационно-технического училища служил в морской авиации на Балтийском флоте. После демобилизации вернулся на родину, работал в Томском аэроклубе техником, слесарем в ремонтных мастерских, на заводе, в автоколонне. В редакциях районных газет, в нефтепоисковых партиях...

– **Александр Григорьевич, у вас в глазах глубокая грусть, когда вы говорите о Томске. Чувствуется, вы тоскуете по родным краям. Нет желания вернуться?**

– Вернуться в Томск – моя мечта. Но ведь и Украина мне не чужая, предки из половецких степей, дед по матери – донской казак... Что касается переезда – нужны деньги, квартира. Ничего этого у меня нет. Живём на пенсию. А родные места снятся...

– **Каковы ваши творческие планы?**

– Думаю документальную «Тайну Половецкой летописи» переложить в роман. Поднять из могил половецких князей – Боняка, Кончака, Челбука и его сына Лурсада.